

© 2018 г.

Н.П. ТАНЬШИНА

ПРИ ДВОРЕ ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ: КНЯГИНЯ Д.Х. ЛИВЕН

Таньшина Наталия Петровна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории отделения истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия).

Исследование осуществлено по гранту Правительства РФ в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы РФ «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

DOI: 10.7868/S0130386418030083

Историкам и любителям истории хорошо известны воспоминания фрейлины Анны Федоровны Тютчевой «При дворе двух императоров», содержащие глубокий анализ эпохи и личности государей Николая I и особенно Александра II. Гораздо менее знакомо им имя другой фрейлины, служившей при дворе трех императоров – Павла I, Александра I и Николая I. Правда, фрейлиной она являлась скорее номинально, поскольку значительную часть своей жизни находилась за пределами России. Она была вовлечена в важнейшие политические события и перипетии европейской дипломатии, из-за чего недруги называли ее интриганкой, друзья именовали нетитулованной королевой европейской дипломатии, а ее салон – «обсерваторией для наблюдений за Европой». Человек свободного и независимого ума, ума мужского, рационального, она не боялась высказывать свое личное мнение как по поводу важнейших событий, так и государей, которым служила. Имя этой статс-дамы – Доротея или Дарья Христофоровна Ливен (1785–1857), урожденная Бенкендорф, родная сестра шефа Третьего отделения, любимца Николая I Александра Бенкендорфа. Внимательный и тонкий наблюдатель, она в отличие от Тютчевой не оставила воспоминаний о своей придворной карьере, хотя ей не было равных в достигшем тогда расцвета эпистолярном жанре, но письменное наследие Д.Х. Ливен огромно. Достаточно перечислить имена ее корреспондентов, чтобы понять круг ее общения и сферу интересов: вдовствующая императрица Мария Федоровна, супруга Николая I императрица Александра Федоровна (эти письма хранятся в Государственном архиве Российской Федерации), ведущие европейские политики – князь Клеменс фон Меттерних, лорд Грей, лорд Абердин, французский министр Франсуа Гизо, брат А.Х. Бенкендорф. Вся эта переписка в разное время была опубликована, в основном во Франции и Великобритании.

Что касается ее оценки личностей и деятельности императоров, то об этом можно судить по целому ряду документов. Психологический портрет императора Павла I Дарья Ливен приводит в 1825 г., когда записывает свои воспоминания о событиях 11 марта 1801 г. Как известно, в России весь XIX в., вплоть до 1905 г., официальной версией смерти Павла считался «апоплексический удар», как о том было заявлено в Манифесте Александра I при восшествии на престол. Хранящиеся в ГАРФ, эти документы в свое время были опубликованы британским историком Х. Темперли в переводе на английский язык (сама Ливен писала исключительно по-французски). В русском переводе текст хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге¹.

---

¹ *Ливен Д.Х.* Император Павел I. Воспоминания. – Российская национальная библиотека, Отдел рукописей, ф. 601, ед. хр. 2037, Половцовы. Выражаю огромную благодарность за помощь при работе в Отделе рукописей РНБ научному сотруднику отдела Елене Михайловой.

Столь же яркого психологического портрета Александра I Дарья Ливен не создала, но оставила воспоминания о его пребывании в Лондоне в 1814 г., о чем также имеются материалы в ГАРФ. Помимо этого, наблюдения Дарьи Христофоровны, касающиеся Александра I, можно найти в ее переписке с разными людьми. Характеристики императора Николая I содержатся в письмах Ливен А.Х. Бенкендорфу, министрам Ф. Гизо, Ч. Грею, Г. Дж. Абердину и другим корреспондентам. Этот комплекс документов и лег в основу написания данной статьи.

С детских лет будущая княгиня Ливен, а тогда просто Даша Бенкендорф, обитала при дворе. Ее мать, баронесса Анна-Юлиана Шеллинг фон Канштадт, прибыла в Россию в 1776 г. в свите вюртембергской принцессы Софии-Доротеи Августы, будущей императрицы Марии Федоровны, и здесь вышла замуж за Христофора Ивановича Бенкендорфа, назначенного Екатериной II военным губернатором Риги. После смерти матери, ставшая покровительницей Даши и ее сестры Марии императрица Мария Федоровна определила сестер в Смольный институт, попечительницей которого она являлась. После окончания Смольного девочки сделали фрейлинами императрицы. Мария Федоровна позаботилась о будущей судьбе сестер, выдав их замуж. 24 февраля 1800 г. Дарья Бенкендорф стала супругой статного красавца, военного министра Павла I, 26-летнего Христофора Андреевича Ливена. Своей карьерой он во многом был обязан матери, Шарлотте Карловне, воспитательнице детей Павла I, 45 лет (с 1783 по 1828 г.) состоявшей при дворе².

Дарья Христофоровна, мастер психологического портрета, нарисовала очень точный портрет Павла. Унаследовав от матери наблюдательность и способность четко излагать свои мысли, а также обладая прекрасной памятью, она очень хорошо запомнила и события, связанные с убийством императора, и самого Павла Петровича. «Я сообщаю все это по собственным воспоминаниям, — пишет Ливен, — потому что я нередко видала императора и до, и после моего замужества. Он часто приезжал в институт, где я воспитывалась, и нередко забавлялся играми маленьких девочек; он охотно и сам принимал в них участие. Я помню, как раз вечером 1796 г. я играла в жмурки с ним, с последним королем польским, с принцем Кондэ и с фельдмаршалом Суворовым. Император забавлялся веселыми, но всегда пристойными придумками»³.

По ее мнению, «в характере государя было странное сочетание благородных инстинктов и ужасных склонностей». Характер человека, равно как и комплексы, формируются в детстве, а детство и юность Павла, как отмечает Ливен, прошли печально: «Мать его не любила; сначала он был у нее в небрежении, а позже она дурно к нему относилась. Многие годы прожил он в своих дворцах, как бы удаленным и окруженным шпионами императрицы Екатерины. Он редко появлялся ко двору, когда же ему это разрешалось, то императрица принимала его с холодностью, а придворные были от него далеки и выказывали ему даже заметное пренебрежение. Его собственных детей воспитывали вдали от него, и он виделся с ними очень редко. Не иметь никакого влияния в делах и не соприкасаться с людьми, посвященными в них, не иметь ни занятий, ни развлечений, — вот на что был обречен великий князь, которому должен

² За верную службу в 1794 г. Екатерина произвела Шарлотту Карловну в статс-дамы и пожаловала орден св. Екатерины I-й степени; при коронации Павла I она получила 1500 душ крестьян, а 22 февраля 1799 г. была возведена с потомством в графское достоинство Российской империи. Во время коронации Александра I ее наградили особым знаком отличия — драгоценными браслетами с портретом императорской четы, а в 1824 г. — портретом императора с цепочкой для ношения на шее. На церемонии коронации Николая I графиня Ливен была возведена со всем потомством в княжеское достоинство, а в декабре того же года получила титул светлости. В княжеском гербе князей Ливен помещен двуглавый российский орел с вензелями императоров Павла I и Николая I. Шарлотта Ливен скончалась 24 февраля 1828 г. и была похоронена в имении Межотне, в Курляндии (ныне территория Латвии, недалеко от г. Бауски). По случаю ее смерти при дворе объявили трехдневный траур.

³ *Ливен Д.Х.* Указ. соч., л. 3.

был бы принадлежать престол или, по крайней мере, суждено было когда-либо занять его». Как видим, Ливен пыталась объяснить склад характера и образ действий будущего государя событиями его детства и юности и не снимала ответственности с императрицы Екатерины II за то, что сын вырос с такими противоречивыми качествами характера и ума.

Дарья Христофоровна оставила и очень точную характеристику внешнего облика Павла Петровича и тоже попыталась живописать его портрет не только темными красками, усматривая во внешности Павла определенную привлекательность: «Император Павел был небольшого роста. Черты его лица были безобразны; но глаза его были очень красивы и выражение их, если только он не гневался, было полно приятности и крайней мягкости. Но в гнев вид его был ужасен». Кроме того, Павел, «несмотря на невзрачную внешность... обладал отпечатком известного достоинства, прекрасен манерами, необычайно мягкою почительностью в отношении женщин, благодаря которой вся его фигура дышала истинным благородством, несомненно обличавшим в нем царственную особу и рыцаря»⁴.

Относительно склада ума и характера императора Ливен пишет, что Павел «отличался точным, живым и ясным умом и склонностью к веселости; он интересовался также искусством... французский язык и французскую литературу знал в совершенстве, любил Францию и усвоил вполне нравы и вкусы этой страны». Он был поистине светским человеком и блестящим собеседником: «Разговор его был неровен, но всегда оживлен, он старался выражаться тонко и изящно. Шутки его всегда были хорошего тона, а его краткие речи с людьми, пользовавшимися минутами его благодушия, были полны грации»⁵.

В целом «характер его по существу отличался величием и благородством: великодушный враг, отличный друг, он умел от души прощать и щедро искупать вину или исправлять несправедливость». Однако и эти положительные стороны натуры Павла соседствовали с крайне неприятными свойствами: «Наряду с этими редкими качествами в нем проявлялись ужасные склонности... Быстрота в самых крайних решениях, мрачность, жестокость, чрезмерная странность». По словам Ливен, при дворе ходили упорные слухи, будто бы еще в детстве у императора Павла проявлялись признаки помешательства. «Трудно утверждать, чтобы он действительно страдал этой болезнью, — вспоминает она, — положительных признаков никогда не обнаруживалось; но, конечно, проявлявшиеся в нем странности и вспышки гнева, доходившие иногда до жестокости, подтверждали мнение о некоторой ненормальности психических отклонений, несмотря на то, что от природы он был умен и добр». Как верно отмечает Ливен, «самодержавие, этот пробный камень даже для сильных характеров, дало развиться в нем самым печальным задаткам», и в то время, о котором она рассказывает, «император Павел был уже для всех в государстве предметом ненависти и ужаса»⁶.

Особенно отчетливо эти качества государя проявились, по мнению Ливен, в последний год его правления: «Суровая мрачность императора приняла в последний год ужасающие размеры. Самые незначительные поводы заставляли его видеть всюду заговор... Крепость переполнялась жертвами, и, чтобы попасть туда, достаточно было иногда иметь слишком длинные волосы или слишком короткую одежду». Под особым запретом были жилеты: «Император говорил, что жилеты произвели французскую революцию; если ему встречался кто-нибудь в жилете, то обладателя такового отправляли в кордегардию»⁷. В заключение могли попасть и дамы, если «недостаточно быстро выходили из экипажа при встрече с императором или делали не довольно глубокий реверанс (при встрече с ним) на улице»⁸. Поэтому, как отмечала Ливен, в часы

⁴ Там же, л. 2–3.

⁵ Там же, л. 3–3об.

⁶ Там же.

⁷ *Кордегардия* — помещение для караула, охраняющего крепостные ворота.

⁸ Там же, л. 3об.

прогулки императора, т.е. с полудня до часу дня, улицы Петербурга были совершенно пусты — никто не хотел попадаться Павлу на глаза. В результате «все трепетало перед императором. Только солдаты еще любили его, потому что, несмотря на строгую дисциплину, пользовались широкими милостями Императора»⁹.

Как показали ближайшие события, Павел Петрович вовсе не был параноиком и его страх перед заговорами не являлся признаком маниакально-депрессивного психоза. Уже с 1798—1799 гг. при дворе распространялись слухи о готовившемся царевубийстве, и в ближайшем окружении императора, вокруг Никиты Петровича Панина, начала складываться оппозиция. В ноябре 1800 г. впавший в немилость Панин был вынужден покинуть Петербург¹⁰, и с этого времени за обеспечение практической реализации заговора взялся граф Петр Алексеевич Пален — дальний родственник Панина и военный губернатор Санкт-Петербурга. В ночь с 11 на 12 марта Павел был убит заговорщиками в Михайловском замке, куда императорская семья переехала лишь месяц назад.

Убийство императора произошло почти что на глазах у Дарьи, а ее свекрови, Шарлотте Карловне, пришлось первой объявить императрице Марии Федоровне о кончине ее супруга¹¹. В 8 часов утра, как пишет Ливен, ее муж отвез императрицу и остальных членов императорской семьи в Зимний дворец. Только в 11 часов утра Мария Федоровна позволила своему сыну Александру, теперь фактически уже императору, явиться к ней. Это свидание, сообщает Ливен, «произошло совсем без свидетелей»¹².

Уже утром весть о смерти Павла распространилась по Петербургу, вызвав буквально взрыв радости: «Всюду слышались крики ликования, радость от освобождения. Улицы Петербурга были полны народом. Обнимались и целовались, как в Пасху; это и было истинным воскресением для России»¹³.

Радость в Петербурге, а затем и по всей России была бурной, искренней, но современники подчеркивали, что ликовало только дворянство, прочие же сословия приняли весть о смене царствования «довольно равнодушно». Для народа Павел был скорее лучшим, а не худшим царем, чем его предшественники. Поэтому в «низзах» толки о его смерти не имели ничего общего с дворянскими восторгам¹⁴.

А вот какой итог правлению Павла I подвела сама Дарья Христофоровна: «Четыре года тирании, доходившей до безумия, часто до жестокости, только что внезапно окончились»¹⁵. При этом «приходилось или забыть о катастрофе, или доходить до крайнего возбуждения: середины быть не могло. Время обсуждать еще не наступило». «Легли спать придавленными рабами, проснулись свободными и счастливыми. Все томились жаждой счастья и предались ему, как бы веря в его бесконечность»¹⁶, — писала Ливен.

Действительно, император Александр I уже в первые дни своего царствования оправдал чуть ли не все ожидания дворян. Немедленно уволив самых одиозных приспешников Павла, он почти ежедневно издавал указы, смысл которых, по выражению одного из современников, заключался в «трех незабвенных словах: отменить, простить, возратить». По подсчетам известного русского историка Н.К. Шильдера, число

⁹ Там же, л. Зоб.— 4.

¹⁰ Заговор оставил неизгладимый след в душе графа Панина. Ливен писала: «Я слышала от моего отца, который был другом юности и товарищем всей военной карьеры графа Панина, не прекращавшего с ним сношений до его смерти, что со дня своего изгнания он никогда не решался оставаться один в комнате и каждый раз в канун 11 марта он напивался допьяна аккурратно в 10 часов вечера и оставался в этом состоянии до следующего утра». — Там же, л. 13об.

¹¹ Там же, л. 10об.

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 11.

¹⁴ *Троицкий Н.А.* Александр I против Наполеона. М., 2007, с. 104.

¹⁵ *Ливен Д.Х.* Указ. соч., л. 11.

¹⁶ Там же, л. 11—11об.

освобожденных от наказания и восстановленных в правах лиц достигло весной 1801 г. 12 тыс. человек. Под впечатлением раскрывшихся ужасов Тайной экспедиции Александр I 27 сентября повелел отменить в России пытку. Главной же радостью для дворян стало официальное подтверждение екатерининской Жалованной грамоты дворянству, столь цинично попорченной ее сыном¹⁷.

Смерть Павла I и восшествие на престол императора Александра I не изменили привилегированного положения семьи Ливен. Дарья оставалась при дворе, ведя веселую светскую жизнь и являясь восторженной поклонницей молодого императора. В то же время она прекрасно понимала, при каких обстоятельствах начиналось новое царствование. «В душе молодого Императора должна была происходить тяжелая борьба. Восшествие на престол, которое приветствовали с такою любовью и так радостно, было все же страшным, кровавым восшествием», — писала Ливен четверть века спустя¹⁸. Действительно, какова бы ни была степень причастности Александра к гибели отца, чувство глубокой вины преследовало его до конца дней. Супруга императора Елизавета Алексеевна начала тревожиться за его душевное состояние с той самой ночи, когда произошла трагедия. Тогда она написала матери: «Великий князь Александр, ныне император, совершенно подавлен смертью своего отца, тем, каким образом тот был убит; его чувствительная душа вечно будет терзаема этим»¹⁹.

Граф Ливен оставил пост военного министра, но продолжал пользоваться полным доверием императора. Он стал начальником военно-походной канцелярии Его Величества, участвовал в сражениях при Вишау и под Аустерлицем, был свидетелем подписания Тильзитского мира в 1807 г. и тогда же произведен в генерал-лейтенанты. Спустя два года Христофора Андреевича назначили чрезвычайным посланником и полномочным министром в Берлин. Отныне жизнь Дарьи Христофоровны оказалась связана с Европой. 30 июня 1812 г. чета Ливенов покинула Берлин, а уже 5 сентября преданный императору граф Ливен был назначен послом России в Лондон. В Лондоне супруги пробыли до 1834 г.

С Александром Павловичем Дарье Христофоровне довелось увидеться в конце мая 1814 г., когда император после пребывания в Париже и отречения Наполеона посетил Англию по приглашению принца-регента Георга, а затем отправился на Венский конгресс. Российский император прибыл в Лондон в сопровождении своих министров К.В. Нессельроде и И.А. Каподистрии, чтобы укрепить политические связи, завязавшиеся за время войн с Наполеоном. Заметки Ливен о визите Александра I были опубликованы в Лондоне в том же в 1814 г.

Если описание императора Павла I — это прежде всего психолого-политический портрет, то Александр предстает преимущественно с позиции светской, в контексте сопоставления с принцем-регентом Георгом, в 1820 г. ставшим королем Георгом IV, хотя и по этим характеристикам можно составить впечатление о противоречивой личности российского государя.

Отметим, что, находясь в Париже, Александр I содействовал принятию конституционной Хартии и сохранению сильных позиций потерпевшей поражение Франции. Он преуспел в своей задаче очаровать ее правящие круги и общественное мнение, что не помешало ему испытывать горечь в отношении неблагоприятных Бурбонов.

Британская монархия его тоже разочаровала. Император Александр, пребывавший на вершине славы, писала Дарья Христофоровна, был очень популярен в английском обществе и «вся английская нация ожидала его приезда с нетерпением и энтузиазмом»²⁰. Ливен весьма красочно обрисовала прибытие в Лондон российского государя, а также короля Пруссии Фридриха-Вильгельма III, князя Меттерниха и других

¹⁷ Троицкий Н.А. Указ. соч., с. 105–106.

¹⁸ Ливен Д.Х. Указ. соч., л. 12об.

¹⁹ Цит. по: Рэй М.-П. Александр I. М., 2013, с. 19–20.

²⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ), ф. 728. Коллекция документов Рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца, оп. 1, т. 2, д.1427, ч. 2, л. 4об.

ведущих дипломатов и политиков. Императору и королю Пруссии были отведены апартаменты в Сент-Джеймском дворце. Прусский король принял это предложение, а Александр предпочел остановиться у своей любимой сестры, великой княгини Екатерины Павловны, на Пикадилли и использовал предоставленный в его распоряжение дворец только для торжественных приемов и аудиенций.

Если лондонцы испытывали восторг перед российским императором, то правящие круги и принц-регент не разделяли их энтузиазма. Министр иностранных дел лорд Каслри был обеспокоен его популярностью, находя ее политически опасной. В письме премьер-министру графу Р.Б. Дж. Ливерпулю Каслри сообщал, что на публичных празднествах, устроенных по случаю пребывания императора в Лондоне, он постарается, чтобы Александра I «сопровождали другие победители, а именно прусский король и прусский генерал фон Блюхер», чтобы император «не был единственным предметом восхищения»²¹. При этом двор не особенно тратился на прием российского монарха: за более чем две недели его визита регент устроил в честь Александра лишь «два больших ужина и два вечера»²².

Неприязнь британского истеблишмента к российскому монарху еще больше усиливалась из-за поведения великой княгини Екатерины Павловны. Незадолго до описываемых событий овдовевшая 24-летняя герцогиня Ольденбургская, с марта 1814 г. проживавшая в Лондоне, успела изрядно испортить отношения и с принцем-регентом Георгом, и с российским послом. Ее бесконечные интриги и надменность быстро нажили ей врага в лице Георга, косвенно дискредитировав и самого императора. Что особенно важно, как отмечали современники, в том числе и Ливен, это то, что великая княгиня оказывала весьма заметное влияние на брата, «по крайней мере, в личных отношениях»²³. Однако не только в личных. Поведение Екатерины Павловны в значительной степени повлияло на результаты визита Александра I, а ее высказывания — на отношение брата к принцу-регенту.

Между тем, как описывала Ливен, Александра Павловича повсюду приветствовала восторженная публика; огромные толпы собирались на улицах и перед зданием отеля, где он остановился; улицы города были заблокированы, и принц не смог приехать к царю, который нетерпеливо дождался его целых четыре часа — небывалый случай в отношениях между монархами! В итоге Александр сам сел в карету и вместе с графом Ливенем отправился к Георгу. После получасового разговора он вынес суждение о личности наследника английского престола, бросив Христофору Андреевичу одну лишь фразу: «Жалкий человек!». Посол попытался возразить: «Который помог вам вести войну и прийти к славному миру», — но его замечание не возымело успеха: негативное впечатление, произведенное регентом на царя, таковым и осталось²⁴.

На следующий день после приезда императора в Лондон в его честь в резиденции Георга Карлтон-Хауз был устроен обед. Александр Павлович, по словам Дарьи Христофоровны, имел скучающий вид и в целом обед был «из самых холодных». На послеобеденном приеме тоскующий император поинтересовался у графини Ливен именами приглашенных женщин; принц-регент представил ему свою фаворитку, маркизу Хертфорд, на что Александр только вежливо поклонился, не сказав ей ни слова. Георг, полагая, что царь, который с юности был глуховат, не расслышал, громко повторил ее имя, однако реакция оказалась все той же. Таким образом, знакомство не состоялось, и маркиза одарила императора «одним из своих самых высокомерных взглядов». Этот инцидент не мог ускользнуть от наблюдательной жена посла, которая тонко подметила: «Судьба всего визита, как мне показалось, была написана в этом взгляде»²⁵.

²¹ Рэй М.-П. Указ. соч., с. 307.

²² Там же.

²³ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, т. 2, д. 1427, ч. 2, л. 60б.

²⁴ Там же, л. 240б.

²⁵ Там же, л. 250б.— 26.

Ливен обратила внимание и на весьма характерную деталь: контраст между популярностью регента в английском обществе и восторженным приемом, оказанным Александру I. Это, по всей видимости, вызывало досаду у принца Георга, который «стал видеть в императоре только соперника»²⁶.

Тем временем Александр лишь закреплял свою популярность, пользуясь успехом не только среди лондонской публики, в политических и парламентских кругах (в сопровождении сестры он посетил заседание Палаты общин), но и в свете, в лондонских салонах, где, как отмечала Ливен, он был великолепен уже в иной роли. Будучи «совершенным молодым человеком», император прекрасно танцевал и был галантным кавалером. На одном из балов Дарья Христофоровна попыталась сгладить недоразумение между государем и фавориткой Георга, обратившись к Александру со словами: «Вот, сир, особа, которая надеется и ждет, что вы с ней заговорите». Император ответил, что та слишком стара, и так и не подошел к ней²⁷.

Среди лондонских красавиц Александр I, который всегда любил красивых женщин, особо выделил леди Джерси, хозяйку одного из модных столичных салонов, бывшую когда-то возлюбленной принца-регента, а ныне не скрывавшую своей к нему неприязни. Император демонстративно ухаживал за леди Джерси даже на балу у маркизы Хертфорд, при этом не замечая саму хозяйку. Они оживленно и громко разговаривали, смеялись, и, как заметила Ливен, принц Георг «слышал некоторые слова... означавшие полное согласие между ними относительно насмешек, объектом которых был он сам»²⁸.

На 15 июня император был приглашен на бал к леди Джерси. Регент, стремясь сорвать их встречу, назначил на 14 июня путешествие в Оксфорд, где непременно должен был присутствовать и Александр: Оксфордский университет сделал его доктором гражданского права. Раздосадованный император, конечно же, отправился в Оксфорд, провел там весь день, но к трем часам утра вернулся в Лондон, чтобы немедленно ехать на бал. Он танцевал с леди Джерси до пяти утра²⁹.

В целом пребывание в Англии окончательно сформировало неблагоприятное мнение Александра I о принце Георге, первоначально внушенное ему нелестными отзывами Екатерины Павловны, а затем подкрепленное непосредственным общением с Георгом. Их встречи, как уже отмечалось, нередко омрачались различными инцидентами. Так, например, принц-регент опоздал в Гайд-парк, где был устроен большой смотр войск, и император — на коне, в сопровождении свиты — вынужден был ожидать его целый час. Несколько дней спустя при дворе организовали ужин, на который теперь уже приподнись Александр, заявивший нетерпеливо ожидавшему его Георгу, что задержался, поскольку был с визитом у лорда Грея, лидера оппозиции. Вряд ли царь не догадывался, что своим опозданием, а еще больше его причиной больно задел самолюбие регента³⁰. Посещение лорда Грея — весьма характерный момент: Александр удостоивал своим вниманием лишь оппозиционную партию вигов. Но таким недипломатичным поведением вызывая лишь раздражение правящей партии тори, император не приобрел симпатий либералов. «Это пустой и глупый человек», — необоснованно скажет о нем лорд Грей³¹.

Александр I оказался в Англии совершенно непонятым. Недоумение лондонского света вызвало и его отношение к принцессе Уэльской, опальной супруге принца-регента. В какой-то степени она сама подлила масла в огонь: соблюдая этикет, поздравила императора с приездом в Англию и выразила горячее желание встретиться с ним. Император, руководствуясь общепринятыми правилами вежливости (а может быть,

²⁶ Там же, л. 30.

²⁷ Там же, л. 32–32об.

²⁸ Там же, л. 44об.— 45.

²⁹ Там же, л. 45–45об.

³⁰ Там же, л. 44.

³¹ *Рэй М.-П.* Указ. соч., с. 308.

и не только), склонялся к тому, чтобы принять ее приглашение, но предварительно посчитал нужным посоветоваться с графом Ливеном. Посол ознакомил государя с текстом декларации лорда Каслри, где принцесса Уэльская, по существу, объявлялась вне королевской семьи. В документе отмечалось, что всякие контакты с ней членов дипломатического корпуса будут расцениваться регентом как персональное оскорбление. Это обстоятельство вызвало у императора лишь смех. «Я не являюсь послом, и у меня нет резиденции при дворе Англии. Я буду у нее... Мой долг нанести ей визит, как и другим принцессам»³², — ответил государь обескураженному российскому послу.

Однако по здравом размышлении император отказался от своего первоначального намерения, но все же нашел способ то ли выразить признательность принцессе, то ли насолить Георгу. Они встретились в театре, куда в нарушение запрета супруга явилась принцесса Уэльская. В ответ на ее приветственный поклон Александр тотчас же встал в своей ложе и почтительно склонил голову. Примеру русского царя вынуждены были последовать присутствовавшие на представлении принц-регент и король Пруссии. А наблюдавшая за происходящей сценой публика, словно получив на то высочайшее разрешение, радостно приветствовала принцессу³³.

В другой раз российский император озадачил принимавшую сторону, высказав желание навестить несчастного умалишенного короля Георга III, уже много лет жившего в уединении. Однако, по словам графини Ливен, «было как-то неудобно показывать сумасшедшего короля иностранному монарху, и император его так и не увидел»³⁴.

В итоге обе стороны остались взаимно недовольны друг другом. 10 июня 1814 г. Александр I покинул Лондон, а 13 июля прибыл в Петербург. Спустя два месяца, 31 августа, он отправился в Австрию, чтобы участвовать в Венском конгрессе.

Как же в конечном счете оценила Ливен итоги этого визита? Она писала, что визит Александра I в Англию, совершенный непосредственно после подписания Парижского мира и за два месяца до начала работы Венского конгресса, не имел конкретной политической цели: «Это были каникулы, которые могли себе позволить монархи и их министры». Однако поездка царя в Лондон не являлась увеселительной прогулкой, и Дарья Христофоровна справедливо констатировала, что задача визита заключалась в укреплении союза между двумя странами на исходе военного этапа существования «великой европейской коалиции». Но Александр I не воспользовался радушным приемом английской нации и не попытался завязать прочные отношения между Петербургом и Лондоном. Ливен была права, отмечая, что с точки зрения возможных политических выгод визит оказался неудачным так же, как и его последствия: «Самая большая холодность руководила отныне отношениями двух дворов. Взаимная неприязнь была использована другими кабинетами, и последствия этого печального путешествия не заставили себя ждать спустя полгода в Вене, когда Франция и Англия подписали секретный трактат, направленный против России»³⁵.

В самом деле, нельзя не признать, что Александр I, по всей видимости, подпав под влияние взбалмошной сестры, не уделил достаточного внимания укреплению отношений с Британией и не использовал свое пребывание там на пользу России, а отдался лишь внешним проявлениям любезности или, напротив, чувству неприязни к принцу Георгу. Император был крайне недоволен британскими политиками, но восхищался Великобританией как образцовой во всех отношениях страной.

Вместе с тем вряд ли корректно аргументировать линию поведения царя исключительно влиянием Екатерины Павловны. Это прекрасно понимала и Дарья Христофоровна, весьма тонко намекавшая в своих воспоминаниях, что политические цели

³² ГАРФ, ф. 728, оп. 1, т. 2, д. 1427, ч. 2, л. 36.

³³ Данилова А. Пять принцесс. Дочери императора Павла I. Биографические хроники. М., 2007, с. 357.

³⁴ ГАРФ, ф. 728, оп. 1, т. 2, д. 1427, ч. 2, л. 38об.

³⁵ Там же, л. 50об. (Имеется в виду секретное соглашение, заключенное Великобританией, Австрией и Францией 3 января 1815 г., направленное против России и Пруссии.)

визита не были достигнуты не только по причине личной неприязни двух монархов. Состоявшийся вскоре Венский конгресс и наметившееся на нем сближение Англии с Австрией и Францией свидетельствовали о стремлении ведущих европейских держав не допустить нарушения баланса сил в Европе в пользу России. Другое дело, что по понятным причинам графиня Ливен предпочитала не говорить об этом открыто, так как не собиралась покидать Англию, где ей было очень комфортно, и тем более не намеревалась так или иначе вредить русско-английским отношениям, к тому времени далеко не безоблачным.

Именно Дарье Христофоровне, а не ее мужу-послу император Александр в дальнейшем будет поручать отдельные важные дипломатические задания. В частности, летом 1825 г., в разгар так называемой «дипломатической революции», именно графиня Ливен была вызвана в Петербург для разговора с императором с целью попытаться перетянуть Англию на сторону России, а России выйти из так называемой «школы Меттерниха». Уже тогда проявилась свободная, европейская манера обхождения Ливен с императором. В отличие от графа К.В. Нессельроде она держалась с государем очень уверенно и не преминула польстить самолюбию Александра, когда на его замечание относительно инертности европейских кабинетов ответила: «Топните ногой, сир, и вы заставите дрожать весь мир»³⁶. Беседа продолжалась полтора часа; графиня, по ее словам, сумела «расшевелить» императора, который вообще-то предпочитал, чтобы слушали его. После этой беседы император сказал Бенкендорфу: «Ваша сестра покинула нас молодой женщиной; сегодня я ее нашел государственным деятелем»³⁷.

В течение августа 1825 г. Дарья Христофоровна еще дважды встречалась с императором, который даже навещал ее в Павловске, и в ходе этих встреч, как она пишет в своих «Воспоминаниях», царь окончательно склонился к крутому повороту в российской политике³⁸. Александр и сам был настроен в пользу Англии, но встреча с Ливен и приведенные ею аргументы окончательно убедили его в правильности такого выбора. Еще 6 (18) августа Нессельроде по указанию Александра I направил российским представителям в Вене, Берлине и Париже инструкцию, извещавшую их о существенной корректировке внешнеполитического курса России от тесного союза с Австрией в сторону сближения с Англией.

Однако спустя некоторое время после возвращения Ливен в Англию туда пришла печальная весть о смерти императора Александра I в Таганроге. Письма Ливен графу Чарльзу Грею, с которым незадолго до этого у нее завязалась переписка, свидетельствуют о ее глубокой скорби в связи с этим печальным событием. «Император Александр, — писала она Грею из Брайтона 15 (27) декабря 1825 г., — был наилучшим из государей — наиболее гуманный, благородный и справедливый из людей. В течение своего двадцатипятилетнего самодержавного правления он пользовался этой властью только для того, чтобы делать добро. Его память будет благословляема долгое время, пока существует русский народ»³⁹.

В своих «Политических воспоминаниях» Ливен отмечала, что на ее долю выпала высокая и почетная миссия выполнить политическое завещание императора: «Миссия, которую он мне поручил, явилась последним актом, последним словом, я даже скажу, последней политической мыслью его царствования»⁴⁰.

Супруги Ливены были щедро обласканы новым самодержцем. Одним из первых официальных актов вступившего на престол Николая I явилось утверждение Х.А. Ливена на высоком посту официального представителя Российской империи в Лондоне.

³⁶ Там же, л. 7об.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, д. 1421, л. 8.

³⁹ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. — Русская старина, 1903, № 1, с. 198.

⁴⁰ ГАРФ, ф. 728, оп. 1, т. 2, д. 1421, л. 14об.

Затем последовало приглашение прибыть в Петербург, где посол удостоился важной роли на церемонии коронации: царь пожаловал ему княжеский титул⁴¹.

Дарья Христофоровна, теперь уже княгиня, с восторгом отзывалась о новом государе, в частности, в письме брату Александру Бенкендорфу от 13 августа 1826 г.: «Я приписываю себе заслугу, что я предугадала в великом князе Николае Павловиче великого человека... Мой муж, обыкновенно весьма сдержанный, в совершенном восторге от него. По возвращении сюда он был принят всеми особенно любезно; его приглашали король, министры и многие другие лица, желавшие поговорить с ним. Так как, надобно признаться, я довольно любопытна, то и я не давала ему покоя»⁴². Несколько месяцев спустя она писала брату: «Я в восторге от всего, что ты мне пишешь об императоре, он уже пользуется за границей выдающейся славой. Принимая во внимание, как трудно упрочивается слава вообще, можно подумать, что он царствует уже лет двадцать, такое составилось о нем громкое мнение. Европа признала за ним ум, твердость характера и справедливость — это сделалось его credo»⁴³.

В 1828 г., после смерти Шарлотты Карловны Ливен, император Николай передал Дарье Христофоровне звание статс-дамы и воспитательницы императорских детей. В мае 1830 г. князь Ливен был отозван в Россию, чтобы временно исполнять обязанности министра иностранных дел вместо уехавшего на лечение в Карлсбад Нессельроде. Княгиня сопровождала мужа до Варшавы, где они должны были встретиться с императором Николаем I, прибывшим туда, чтобы присутствовать на заседаниях польского сейма. Царь встретил чету Ливен в самой сердечной манере. Княгиня писала: «Невозможно представить, чтобы монарх разговаривал со своими подданными с такой доброжелательностью! Мой император был так добр ко мне и мое удовольствие видеть его было так велико, что я даже забыла о знаках почтения, которое должна ему оказывать». В 10 часов утра, протанцевав всю ночь на придворном балу, княгиня присутствовала на закрытии сейма в качестве статс-дамы императрицы⁴⁴.

Летом 1833 г. Ливен получила приглашение российского двора приехать в Петергоф. 24 июня (6 июля) она уведомила лорда Грея о благополучном окончании морского путешествия и описала оказанный ей прием: «Я встретила императора в море и... он предложил мне тотчас перейти на его судно. Он осыпал меня милостями; удостоил меня своего доверия и дружбы... Словом, действительность превзошла в этом отношении все мои ожидания»⁴⁵.

Княгиня имела возможность общаться с императором, о чем с восхищением сообщала лорду Грею: «Мои беседы с императором касаются всегда серьезных вещей, и чем более я размышляю, тем более убеждаюсь, что Россия никогда не имела монарха, который бы более жаждал мира, более желал жить со всеми в добром согласии и был убежден в том, что дружественные отношения к Англии всего нужнее для обеих стран»⁴⁶.

Однако спустя год 22-летнее пребывание Ливенов в Лондоне закончилось. 29 апреля (11 мая) 1834 г. княгиня писала брату Александру: «Полная перемена карьеры, всех привычек, всего окружающего после двадцатидвухлетнего пребывания здесь — событие серьезное в жизни. Говорят, что человек сожалеет даже о тюрьме, в которой он провел несколько лет. Поэтому мне простительно сожалеть о прекрасном климате, прекрасном общественном положении, комфорте и роскоши, подобных которым

⁴¹ Титул светлейшей княгини был пожалован матери Х.А. Ливена, Шарлотте Карловне и всем ее потомкам.

⁴² Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. — Русская старина, 1903, № 1, с. 200.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Hyde H.M. La princesse de Lieven. Grande dame et coeur de femme. Paris, 1940, p. 70.

⁴⁵ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. — Русская старина, 1903, № 9, с. 701.

⁴⁶ Там же, с. 702.

я нигде не найду, и о друзьях, которых я имела вне политического мира»⁴⁷. 30 августа 1834 г. князь Ливен получил указание затребовать паспорта и выехать в Петербург.

После возвращения в столицу Российской империи князь Ливен был назначен на высокую и почетную должность попечителя при 16-летнем наследнике престола, цесаревиче Александре, и стал членом Государственного совета. Дарье Христофоровне было поручено обучать наследника манерам и искусству общения в свете. Николай I сделал все, чтобы их отъезд из Лондона не казался немилостью. Действительно, как отмечала герцогиня Доротея де Дино, спутница жизни Талейрана, сопровождавшая его во время посольской деятельности в Лондоне в 1830–1834 гг., где, собственно, она и сблизилась с Дарьей Ливен, для князя новое назначение было всем, что «могло его утешить и польстить его самолюбию»⁴⁸.

Для княгини же привыкнуть к новой жизни было гораздо сложнее, несмотря на то, что, по словам Гизо, император Николай оказывал ей всяческие знаки внимания, «хотя в целом он имел мало вкуса к женщинам, выдающимся по своему уму и положению в обществе». Но княгину Ливен он выделял как «персону редкую, которая ему хорошо служила и еще могла пригодиться»⁴⁹. Сама княгиня, по свидетельству герцогини де Дино, также надеялась сохранить свое политическое влияние в Петербурге благодаря расположению Николая I, графа Нессельроде и благосклонному отношению императора к ее брату Александру Бенкендорфу⁵⁰. Правда, Дино сомневалась в такой перспективе, опасаясь, как бы Ливен «вскоре не потеряла из виду карту Европы, которую она сможет созерцать лишь через очень узкое окошко, что будет для нее в некотором роде моральной смертью»⁵¹.

8 сентября Ливены поселились в Царскосельском дворце, где им было отведено казенное помещение, поскольку своего дома у них не было. Подойдя к задачам воспитания наследника очень ответственно, княгиня уже 10 сентября писала брату Александру: «Скажите, что мужу моему и мне следует делать, чтобы поступать вполне согласно с видами императора во время его отсутствия. Моя обязанность не выдумывать, а повиноваться. Но для того, чтобы повиноваться, мне хотелось бы знать волю императора. Желает ли он, чтобы его дети имели побольше развлечений или нет? Действительно ли великий князь может бывать у меня только по воскресеньям и не более как на часок, как говорят его наставники?»⁵². По словам Доротеи де Дино, княгиня надеялась, что ее новая должность обеспечит ей определенное влияние и независимое положение в политических кругах, а может быть, позволит открыть салон и приглашать туда иностранцев⁵³.

Отныне Дарья Христофоровна предается воспитанию наследника. Она пишет английским друзьям о своем блестящем положении и о том, что постепенно привыкает к новой жизни: «Все идет на лад и даже с каждым днем лучше и лучше, ибо все то, что входит в привычку, становится легче»⁵⁴. Княгиня с симпатией отзывается о молодом цесаревиче, свойствах его характера и способностях: «Наш великий князь очарователен; ему не достает только того, что не свойственно его годам и что редко встречается в его положении. Ему надобно узнать людей: этим все сказано. Он приобретет это знание постепенно... Я никогда не встречала юношу, одаренного такими прекрасны-

⁴⁷ Там же, с. 704.

⁴⁸ *Dino D.* (duchesse de Talleyrand et de Sagan). *Cronique de 1831 à 1862*, t. 1–4. Paris, 1909–1910; т. 1, р. 84.

⁴⁹ *Guizot F.* *Mélanges biographiques et littéraires*. Paris, 1868, р. 203.

⁵⁰ *Dino D.* *Op. cit.*, т. 1, р. 86.

⁵¹ *Ibidem*.

⁵² Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. — Русская старина, 1903, № 11, с. 419.

⁵³ *Dino D.* *Op. cit.*, т. 1, р. 111–112.

⁵⁴ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. — Русская старина, 1903, № 11, с. 422.

ми душевными качествами; это основа для всего остального»⁵⁵. «Наш юный наследник очарователен. В шестнадцать лет он высок... красив, интересен... Когда Вы его однажды увидите в Англии, то поймете, что я не ошибаюсь», — делилась она своими впечатлениями с лордом Абердином⁵⁶.

Но вскоре однообразие жизни в Царском Селе, строгая дисциплина, царившая при дворе, необходимость вечно и во всем повиноваться и полное отсутствие той кипучей общественной деятельности, к которой княгиня привыкла во время своего многолетнего пребывания в Лондоне, начали ее тяготить. «Мои письма глупы и неинтересны, — пишет она. — Я так привыкла наполнять их описанием событий, важных или просто забавных, что я совершенно не умею описать ту монотонную, однообразную жизнь, какую я веду. Колебания термометра — вот все наши события! Выше он или ниже нуля? Вот ежедневно великий для нас вопрос. В Лондоне я имела другие интересы»⁵⁷.

Ливен пробыла в России только семь месяцев. Ужасное несчастье ускорило ее отъезд. В марте и апреле 1835 г. в Дерпте, где учились, умерли от скарлатины два ее младших сына, Георгий и Артур. Одному было 15, другому 10 лет. Родные, знакомые, члены царской семьи, сам император Николай I старались утешить ее, но все было напрасно. Она больше не могла выполнять роль верного советника при попечителе цесаревича. К тому же трагедия подорвала ее здоровье, к этому времени и так неважное; врачи предписали ей на время уехать из России.

Получив разрешение, в апреле 1835 г. Дарья Христофоровна отправилась в сопровождении мужа в Берлин, на консультацию к местным медицинским светилам. Христофор Андреевич, выполнявший обязанности воспитателя наследника престола, в скором времени вернулся в Россию. Княгиня же возвращаться в Россию не планировала.

В то время российские законы не признавали за подданными царя права навсегда покидать пределы государства. Эмиграция рассматривалась как преступление и могла караться ссылкой и конфискацией имущества. В соответствии с указом Николая I от 27 апреля 1834 г., «наличное имущество лица, безвестно отсутствующего, берется... в опеку. Доходы, с оного собираемые, за уплатою долгов и за назначением приличного, по усмотрению опеки, содержания жене и детям, в России пребывающим, отсылаются в Кредитные установления». После установления опеки в официальных российских изданиях печатались соответствующие объявления. Если по истечении шестимесячного срока после публикации человек не объявлялся, он считался «оставившим отечество», а принадлежавшее ему имущество оставалось «по смерть его в опекуном управлении».

«Срок дозволенного пребывания за границей с узаконенным паспортом» по этому указу определялся следующим образом: для дворян — пять лет, для «всех прочих состояний» — три года; для более длительного пребывания за границей нужно было получить личное разрешение императора или отсрочку, что случалось весьма редко⁵⁸.

Но именно на это разрешение и уповала Дарья Христофоровна. Она писала брату: «Доктора запрещают мне ехать в Италию, тем более что там холера. Мне необходим умеренный климат, но главное, ум мой должен быть занят. Это единственное для меня лекарство, единственное средство продлить мое существование... Мне кажется, дорогой брат, что я слишком дорого заплатила за право искать утешения в моем ужасном

⁵⁵ Там же, с. 421–422.

⁵⁶ *Gordon G.H.* The Correspondence of Lord Aberdeen and Princess Lieven. 1832–1854. Т. 1. 1832–1848. London, 1938, p. 19.

⁵⁷ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. — Русская старина, 1903, № 11, с. 423.

⁵⁸ *Черкасов П.П.* Я.Н. Толстой во Франции: период эмиграции (1826–1836). — Россия и Франция. XVIII – XX века, вып. 7. М., 2006, с. 188.

горе там, где я могу найти его. Если на это необходимо получить разрешение императора, то я полагаю, что он не откажет мне в этом»⁵⁹.

Однако Николай I отнюдь не был заинтересован в том, чтобы его подданная, за которой закрепилась слава интриганки, обосновалась в Париже, в этом рассаднике революций, к тому же свободная от каких-либо ограничений формального плана, не будучи связанной официальными обязанностями. Прошло немного времени после ее отъезда, и между Ливен и императором началась настоящая война, что, несомненно, повлияло на ее восприятие государя.

Вскоре Дарья Христофоровна почувствовала изменившееся отношение к ней со стороны правящих кругов России по поведению чутких к настроению царя придворных, в частности графини М.Д. Нессельроде, влиятельной супруги вице-канцлера, которая той же осенью находилась в Баден-Бадене. Ливен жаловалась брату: «Это меня огорчает и вместе с тем удивляет. До сих пор я везде имела счастье сохранить доброе расположение людей, кои считали меня в числе своих друзей. Ныне мое несчастье как будто дает мне на это еще более права. Но я в этом ошиблась, и я чрезвычайно этим оскорблена. Я считаю это естественным последствием того, что все русские, особенно дорожащие высочайшей милостью, подражают во всем г-же Н. и поэтому избегают меня».

Она просила брата заступиться за нее перед царем и разрешить ей остаться в Париже. «Убедите императора отнестись благосклонно к моей просьбе, — писала княгиня, — ибо мысль заслужить его неодобрение омрачает мне те немногие радости, которые я могу еще найти»⁶⁰. Однако брат, царедворец с головы до ног, не захотел хлопотать за нее.

Несмотря на то, что князь Ливен, действуя строго в соответствии с указаниями царя, сообщил, что «разрешает ей жить где бы то ни было, где она пожелает, только не в Париже»⁶¹, княгиня не теряла надежды, что ей удастся получить разрешение остаться за границей, причем именно в Париже. 18(30) августа 1836 г. она писала императору Николаю: «Мое пребывание в Париже — это вопрос не выбора, но настоятельной необходимости; рассмотрев его с этой точки зрения, Ваше Императорское Величество не откажет мне»⁶². В следующем месяце, находясь в Бадене, княгиня получила долгожданное письмо от брата, где говорилось: «Его Императорское Величество Вам ничего не запрещает и предоставляет полную свободу действий, сожалел только о том, что Ваши привычки и вкусы отдаляют Вас от Вашей родины»⁶³. Княгиня надеялась, что разрешение императора можно считать полученным, однако она ошиблась.

Почему же император был так решительно настроен против проживания Ливен в Париже? Представляется, что определяющим для Николая I фактором явился выбор княгиней именно Парижа, этого центра революционных потрясений и бунтов, столицы Франции, управляемой королем-узурпатором, каковым он считал Луи-Филиппа Орлеанского, пришедшего к власти в результате Июльской революции 1830 г. То, что княгиня Ливен, особа, приближенная к императорской семье, предпочла Санкт-Петербургу Париж, принимала приглашения погостить у князя Талейрана, по мнению Николая I, заклятого врага России, — всего этого царь принять не мог.

И Дарья Христофоровна это понимала. В письме Гизо от 25 сентября 1837 г. она отмечала: «В моей стране, сударь, я очень знатная дама; я стою выше всех по своему положению при дворе, и главное, потому, что я единственная дама во всей Империи, по-настоящему близкая к Императору и Императрице. Я принадлежу

⁵⁹ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. — Русская старина, 1903, № 11, с. 425–426.

⁶⁰ Там же, с. 426.

⁶¹ Там же, с. 427.

⁶² Цит. по: *Cromwell J.L. Dorothea Lieven: a Russian Princess in London and Paris, 1785–1857.* Jefferson, 2007, p. 188.

⁶³ ГАРФ, ф. 1126. Бенкендорфы, оп. 1, д. 332, л. 48–48об.

к императорской семье. Таково мое общественное положение в Петербурге. Вот почему так силен гнев императора; он не может допустить, что родина революций оказала мне честь и приняла меня»⁶⁴.

Известный французский политик, Гизо станет другом княгини на всю жизнь. Они сблизились на почве несчастья: у Дарьи Христофоровны умерли сыновья, Гизо потерял сына. О романе министра с русской княгиней сразу стало известно; об этом даже писали газеты. Из газет о нем узнал и Христофор Андреевич. Одна из статей в «Le Temps» привела его в бешенство. Дело было не только в ревности: связь жены с французом, к тому же простым буржуа, пусть и министром, компрометировала позиции князя при дворе, его положение в российском обществе. Ливен призвал супругу вспомнить о долге жены и матери, поразмыслить над своим поведением. Он «приказывал» ей немедленно покинуть Париж и заканчивал свое письмо от 19 сентября 1837 г. следующими словами: «Я настоятельно требую категорического ответа, ибо я сам обязан дать через некоторое время отчет относительно тех мер, какие будут приняты мною в случае отказа с твоей стороны»⁶⁵. Понятно, что Христофор Андреевич должен был отчитаться перед императором, который не меньше обманутого супруга был взбешен подобным своеволием.

24 сентября Ливен писала Гизо: «Очевидно... он обещал императору заставить меня покинуть Париж любой ценой», — а 21 октября передавала ему слова императора Николая, сказанные князю Ливену: «Ваша жена задела мою честь и достоинство, она единственная осмелилась подвергнуть сомнению мой авторитет. Заставьте ее подчиниться, а если вам это не удастся, я сам ее сотру в порошок»⁶⁶.

Дарья Христофоровна попыталась найти поддержку у влиятельных российских персон. Она адресовала письма К.В. Нессельроде, А.Ф. Орлову, брату Александру, дипломатам графу П.П. Палену и графу П. Меду, умоляя их замолвить за нее слово, дабы смягчить гнев государя. Однако все ее доводы были напрасны. «Надеюсь, ты вполне поняла из моих слов, что я настоятельно требую, чтобы ты вернулась, — в ультимативной форме обращался к ней муж. — Я предупреждаю тебя, что в случае отказа я буду вынужден принять такие меры, которые для меня очень неприятны. Поэтому объявляю тебе, что если ты не вернешься, то я прекращу высылку тебе денег. Я должен предупредить тебя также, на случай, если настоящее письмо останется без ответа, что если таковой не будет получен мною через три недели, то я буду вынужден поступить так, как будто ты ответила мне отказом»⁶⁷.

В начале следующего года князь Ливен привел в исполнение свои угрозы: он приказал своему банкиру прекратить все платежи княгине⁶⁸, о чем 21 января Дарья Христофоровна писала леди Эмили Каупер (через несколько лет ставшей супругой лорда Пальмерстона): «Я давно не получаю известий от мужа. Это невыносимо; от угроз он перешел к действиям. Мой банкир получил приказ прекратить все выплаты»⁶⁹.

Понимая, что муж действует по указанию императора, в письме леди Каупер от 2 марта 1838 г. Ливен позволила себе выразить свое мнение о суверене: «Император очень жесток, если он вмешивается в отношения между мужем и женой». В другом письме княгиня иронизировала по поводу реакции Николая I: «Императорский гнев против Парижа и меня, обитающей в этом греховном городе, силен как никогда. Это

⁶⁴ *Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven. Préface de J. Schlumberger*, t. 1–3. Paris, 1963–1964; t. 1, p. 121.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 119.

⁶⁶ *Ibid.*, p. 119, 148.

⁶⁷ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. — *Русская старина*, 1903, № 11, с. 430.

⁶⁸ *Cromwell J.L.* *Op. cit.*, p. 203.

⁶⁹ *The Lieven – Palmerston Correspondence. 1828–1856.* London, 1943, p. 141.

забавная ситуация, но я останусь здесь, потому что не представляю, где бы еще могла жить»⁷⁰.

В это время на нее обрушилось еще одно несчастье: смерть сына Константина, произошедшая в июне 1838 г. в Америке. Причем император запретил сообщать ей об этом. О трагедии Дарья Христофоровна узнала, лишь получив обратно посланное сыну письмо с пометкой «скончался». Между тем, по словам княгини, ее петербургский банкир сообщил ей, что еще 6 июля отправил известие об этом событии Христофору Андреевичу. Княгиня в отчаянии писала лорду Грею: «И это отец моего сына! Мой муж оставляет меня в абсолютном неведении, видимо, желая, чтобы я узнала о нем таким ужасным образом! Он не подумал ни о своей жене, ни о детях. Мой бедный мальчик! Ему так доставалось от отца при жизни, и теперь, когда он умер, его отец отказывается сообщить об этом... Мне, матери его сына, — продолжает Дарья Христофоровна, — он, его отец, не пишет потому, что я в немилости при дворе. Россия ужасная страна; человек должен в ней отказаться от всех естественных чувств и самых священных обязанностей в жизни»⁷¹.

Через полгода, в январе 1839-го, сопровождая цесаревича Александра в европейском путешествии, князь Ливен скончался в Риме. В письме лорду Грею Дарья Ливен сообщила, что ее сыновья после смерти отца встречались с императором и тот отнесся к ним как к членам своей семьи. А в переписке с Гизо она передавала слова Николая Павловича, обращенные к ее сыновьям: «Держитесь возле меня; я хочу, чтобы наши отношения никогда не прерывались»⁷². Однако, проявляя такую заботу о сыновьях, в разговоре с ними государь ни словом не обмолвился об их матери. «Как будто я умерла», — с горечью отметила Дарья Христофоровна в письме лорду Грею⁷³.

Не раз она обращалась к брату: «Вы хорошо знаете, что нет никого, кто мог бы меня защитить. Вы неоднократно доказывали, что Вы один можете мне помочь»⁷⁴, — однако тот лишь советовал немедленно обратиться к императору и просить о предоставлении отпуска на неограниченное время. Таким образом, брат отказывался быть посредником, а ей трудно было писать непосредственно императору, от которого на протяжении восьми лет она не услышала ни слова поддержки и который вряд ли был бы к ней великодушен. «Вы считаете, что не можете поговорить с императором, — через два месяца снова обращалась она к брату. — Этот ужасный император! Как мое письмо может быть лучше Ваших слов? Вот уже восемь лет, как император меня судит со всей строгостью, даже суровостью!»

Дарья Христофоровна была в отчаянном положении; в ее письмах того времени постоянно звучала одна и та же фраза: «Мне страшно!». Она уверяла, что «стоит на краю бездны»⁷⁵. Только в 1843 г. она все-таки решилась просить императора разрешить ей остаться в Париже. Это письмо княгини Ливен от 24 марта (5 апреля) 1843 г. и ответ императора содержатся в Архиве внешней политики Российской империи⁷⁶.

Особо не надеясь на благоприятный исход дела, в письме брату от 25 марта (6 апреля) 1843 г. с пометкой «очень конфиденциально» она вновь писала о своих опасениях и страхе и подчеркивала свою верность интересам России и лично императору:

⁷⁰ Ibid., p. 147, 156.

⁷¹ Correspondance of Princess Lieven and Earl Grey, t. 3. Elibron Classics, 2006, p. 282.

⁷² Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven, t. 1, p. 244.

⁷³ Correspondance of Princess Lieven and Earl Grey, t. 3, p. 303.

⁷⁴ ГАРФ, ф. 1126, оп. 1, д. 332, л. 49об. Письмо А. Бенкендорфу от 29 декабря 1842 г. (10 января 1843 г.)

⁷⁵ Там же, л. 75–76об. Письмо А. Бенкендорфу от 23 февраля (4 марта) 1843 г.

⁷⁶ Архив внешней политики Российской империи, ф. 133. Канцелярия Министра иностранных дел, оп. 469, д. 91, 1843 г., л. 2–8. В архиве находится копия письма императора с его собственноручными пометами и исправлениями.

«Я знаю, что я служила императору, и я продолжаю ему служить... Моя жизнь — спокойная и тихая — для меня, но моя жизнь — полезная — для вас»⁷⁷.

Однако император ответил очень быстро: уже 20 апреля княгиня получила от него разрешение остаться в Париже, но, как подчеркивал государь, это разрешение не распространяется на ее сыновей. Как известно, Николай Павлович предпочитал, чтобы русские дворяне получали образование в России и служили отечеству в его пределах.

Итак, восьмилетнее противостояние между всемогущим императором и равноправной княгиней закончилась победой женщины. Несмотря на всю свою принципиальность и гнев, вызванный непокорностью и независимостью княгини, а также настороженное отношение к режиму Июльской монархии, порожденному революцией, Николай I поступил как рациональный политик. Он понимал, что, находясь в Париже на легальном положении, Ливен с ее авторитетом в европейских политико-дипломатических кругах сможет быть ему полезной. В России знали, что французы упрекают княгиню в непосредственном влиянии на принятие политических решений в их стране, говорят, что во Франции два министра иностранных дел — Франсуа Гизо и Доротея Ливен.

Здесь следует отметить, что, даже опальная, княгиня Ливен не прерывала связи с Россией. Еще не имея императорского разрешения, она, продолжая переписку с братом, отправляла ему, в том числе, зашифрованные письма, в которых сообщала о текущей политической ситуации. Эти документы, написанные симпатическими чернилами, находятся в ГАРФ, и на них есть пометы императора, т.е. они предназначались именно ему⁷⁸. Прожив большую часть жизни за границей, будучи по привычкам, складу ума совершенно западным человеком, княгиня все-таки оставалась русской и была неизменно предана интересам России. В определенной степени ее пребывание в Париже способствовало стабилизации весьма непростых отношений между Россией и Францией.

После получения императорского разрешения возобновилась переписка Ливен с императрицей Александрой Федоровной, которая началась еще с лондонских времен. Первое после долгого перерыва письмо, адресованное княгиней императрице, которое удалось обнаружить в ГАРФ, датировано 19 сентября (1 октября) 1843 г. В нем Дарья Христофоровна поздравляла императрицу Александру Федоровну с рождением внука, сына цесаревича Александра, которого Ливены воспитывали после отъезда из Англии. Далее княгиня осторожно спрашивала: «Позволит ли император поздравить также и его?»⁷⁹. Александра Федоровна читала ее письма Николаю Павловичу за завтраком, а потом он, бывало, уносил их к себе в кабинет, чтобы еще раз внимательно перечитать.

Некоторые современники считали письма Ливен пустыми сплетнями, не заслуживающими императорского внимания. Об этом писал, например, французский дипломат граф де Рейзе. Однако, на наш взгляд, император относился к ним вовсе не пренебрежительно, что подтверждается и мнением современников княгини, и историографией, посвященной роли Ливен в дипломатической предыстории Крымской войны. Так, в исторической науке долгое время бытовало мнение, что княгиня Ливен дезинформировала Николая I относительно военных планов Парижа: будто бы, настроенная излишне миролюбиво, она не верила в войну между Францией и Россией и делилась своими соображениями в переписке с Александрой Федоровной; якобы этой ее уверенностью проникся и император. Документы ГАРФ свидетельствуют об ином: княгиня не теряла чувства реальности, понимала неопределенность ситуации и обо всем этом сообщала в Петербург. Просто Николай I видел в ее письмах

⁷⁷ ГАРФ, ф. 1126, оп. 1, д. 332, л. 102.

⁷⁸ Там же, д. 424.

⁷⁹ Там же, ф. 728, оп. 1, ч. 2, д. 1664, т. 17, л. 5–5об.

и донесениях Н.Д. Киселева то, что хотел видеть⁸⁰. Однако сам факт его интереса к письмам Ливен показателен: очевидно, мнение умудренной и многоопытной княгини было для него важным.

С началом Крымской войны княгиня Ливен как русская подданная вынуждена была покинуть Париж, чтобы переждать войну в Брюсселе. Здесь она узнала о смерти императора Николая I. Как заметил сводный брат Наполеона III граф Ш. Морни в письме Доротее де Дино, эта новость «не особенно взволновала княгиню, а ее ответ был лаконичен: “Ну вот, теперь я могу спокойно здесь остаться”»⁸¹. Выходит, княгиня все-таки не забыла обиду, нанесенную ей государем, и так и не простила его.

Тем не менее все эти годы она не переставала ощущать себя русской. В одном из ее писем лорду Грею есть следующие слова: «Не сердитесь же на Россию и на меня, ибо вы прекрасно знаете, что я не могу не быть русской»⁸². Чистокровная немка, лютеранка, человек западного склада ума и образа жизни, княгиня являлась русской по духу и, как это свойственно русскому человеку, отдавалась своим страстям полностью и без оглядки. А главной страстью ее жизни была политика, которую, по ее собственным словам, она «любила гораздо больше, чем солнце»⁸³. На протяжении всей жизни Д.Х. Ливен была верна российским интересам и по мере сил продолжала бескорыстно служить Отечеству.

---

⁸⁰ Об этом подробнее см. *Таньшина Н.П.* Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009, с. 256–276.

⁸¹ *Dino D.* Op. cit., t. 4. Paris, 1910, p. 202.

⁸² Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. — Русская старина, 1903, № 6, с. 683.

⁸³ Цит. по: *Мартен-Фюжье А.* Элегантная жизнь, или Как возник «весь Париж». 1815–1848. М., 1998, с. 214–215.